

Н.Е. Никонова

Томский государственный университет

**Литература немецкого благочестия
и ее роль в житнетворческих исканиях В.А. Жуковского
1840 – 1850-х годов**

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-33005

Аннотация: В статье представлена первая попытка осмыслить значение немецкой духовной литературы немецкого протестантизма в круге религиозного чтения В.А. Жуковского 1840-х гг. Представлен анализ помет Жуковского-читателя в книгах Г. Мюллера, Г. Нитша, Ф. Этингера, установлен факт влияния литературы благочестия на позднее творчество первого русского романтика.

The paper presents the first shot at comprehending the idea of German ecclesiastical literature of German Protestantism in the religious reading coterie of V.A. Zhykovsky in 1840s. Analysis is performed of the notes made by Zhykovsky in the books while reading the works by H. Muller, H. Nitsch, and F. Oetinger. The pietistic literature is found to have exerted influence on the late literary works of the first Russian romanticist.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, немецкий мир, литература благочестия, пиеизм.

V.A. Zhykovsky, German world, pietistic literature, pietism.

УДК: 821.161.1

Контактная информация: Томск, ул. Ленина, 36. ТГУ, кафедра романо-германской филологии. E-mail: nikonat2002@yandex.ru.

Можно говорить об определенной динамике взаимодействия В.А. Жуковского-романтика с немецким миром. В 1800-х гг., открывая Германию заочно, поэт ориентировался по книгам, изучал и переводил немецкую литературу. Со второй половины 1810-х гг. немецкий мир Жуковского прирос Дерптом, и романтический синтез искусств (словесность, живопись, музыка, наука и религия) разом вошел в художественный мир поэта и русской словесности в целом. Ведущее значение в этом синтезе обрела музыка, что выразилось в серии вокальных переводов, собственных напевных стихотворениях и «песенном сборнике» «Für Wenige. Для немногих». В период заграничных путешествий 1820–1830-х гг. это место заняла живопись, и, шире, изобразительное искусство. Таким образом каждый последующий этап приносил новую форму германизма, определявшую в известной степени и творческую эволюцию Жуковского-литератора. На четвертом и заключительном этапе, начавшемся с переездом в Германию и женитьбой на Елизавете фон Рейтерн, территория немецкого пространства в житнетворчестве поэта расширилась за счет религиозной практики, предполагавшей определенный образ жизни и образ мыслей, которые импонировали Жуковскому. Следствием этого поворота к духовно-религиозным жанрам стало обращение к переводам Нового Завета и Апокалипсиса, замысел поэмы об Агасфере, собственная «христи-

анская философия», план «священной истории», статья «О меланхолии...» и, скорее опосредованно, другие проекты.

Действительное представление об атмосфере последних лет заграничной жизни Жуковского дают работы исследователя и потомка семьи Рейтернов-Швертцелей Г. фон Рейтерна [Reutern, 1894]. На основании изученных в историко-культурном контексте эго-документов семейства автор выделяет конститутивную идеологию житнетворчества Жуковского и его близкого окружения – пиетизм, подразумевая «особую религиозность описываемого круга людей и их миропонимания», «основное настроение, которое принимало различные формы и не подчинялось никаким догматам» [Reutern, 1894, S. 103]. Пиетизм как форма религиозности определил жизненные устои каждого из членов семьи Рейтернов-Швертцелей, ставшей и семьей Жуковского, и в то же время обусловил относительную свободу религиозных воззрений и чувствований: «Герхардт Рейтерн пребывал в твердом доверии Богу и верил, что Господь посылает всегда только доброе; его жена – в сокрушении о собственных прегрешениях; их дочь Элизабет Жуковская дошла до того, что не хотела позволять помогать себе в болезни, посланной Богом; Минна Шверцель непрестанно исследовала волю Господа, хотя воспитывалась она очень строго» [Reutern, 1894, S. 104]. Общение этого круга в его целокупности представляло собой феномен *collegia pietatis*, или благочестивого собрания, где чтение соответствующей литературы и дружеские беседы стали альтернативой церковному богослужению. Строгая приверженность членов семейства благочестию подразумевала хорошее знание Библии, обязательные обсуждения христианских истин. Определенного рода концентрация на духовно-назидательной литературе, обуславливала с одной стороны, замкнутость и закрытость *collegia pietatis* Рейтернов и их ближайшего окружения, с другой стороны, обеспечивали небывалую сплоченность и глубокое чувство духовной сопричастности, искомого Жуковским «милого вместе».

По верному наблюдению И.А. Айзиковой, Жуковский «анализирует и переживает в 1840-е годы историю своей души, своей внутренней христианской жизни и делает это содержанием прозы» [Айзикова, 2005, с. 206]. В поздних прозаических сочинениях романтик как будто «готовит себя, свою душу и души своих читателей к встрече с Богом. Он не проповедует веру, он ищет ее как высший смысл земной жизни человека и общества в целом» [Айзикова, 2005, с. 206]. Конечно, Жуковский не был абсолютно ведомым в освоении религиозных практик немецкого мира. Глубинные истоки пиетизма XIX в. вошли в его мировоззрение в юности благодаря французам и, в частности, чтению Ф. Фенелона [Айзикова, 1988]. Однако в 1840–1850-х гг. пребывавшие в зародыше основания получили необходимую мощнейшую базу в виде немецкой духовной литературы XVII–XIX вв., служившей основой семейственности практически всей Германии.

Необходимо подчеркнуть, что указанный род литературы представляет собой особый аутентичный феномен немецкой культуры, сформировавшийся в недрах германского мира. Первый оформленный всплеск этого явления относится ко времени реформы монастырей XI–XII вв., свое выражение он получил в поэзии благочестия, прямолинейно проповедовавшей аскетизм, отречение от мира и устремление помыслами к загробной жизни («Венская Книга Бытия» («Wiener Genesis», 1060–1065), «Песнь о епископе Эццо» («Ezzolied», 1064–1065), «Трактат о теологии» («Summa theologiae») и др.). В XIII–XIV вв. в борьбе между духовным благочестием и красотой рыцарства под напором школы мистиков и клириков постепенно одержало победу белое духовенство, в результате чего художественный вымысел придворной рыцарской поэзии оказался подчиненным аллегории и нравоучительности. Совокупность текстов этого рода получила в немецкой науке обозначение «Erbauungsliteratur» (от нем. «Erbauung» – назидание). Термин «духовно-назидательная литература» как наиболее адекватный был предложен П.А. Серковой [Серкова, 2009]. Духовно-назидательные сочинения достигли

в Германии ранга мировой литературы после появления в 1427 г. знаменитого сочинения «О подражании Христу» («*De imitatione Christi*»), которое быстро стало самой читаемой книгой после Библии. Его автором считается Фома Кемпийский (1379–1471) – одна из ключевых фигур нидерландского позднесредневекового движения Нового благочестия. Реформация не совершила качественной революции в духовно-назидательной литературе, она развивала темы, уже намеченные в Средневековье.

Очередной небывалый взлет описываемых настроений произошел на стыке времен и определил характер целого периода, названного эпохой Нового благочестия. В начале кризисного XVII в. немецкий мир буквально захлестнула волна межконфессиональной духовно-назидательной литературы. Религиозная практика домашнего чтения должна была не только утешать и радовать, но способствовать формированию истинного христианина. Индивидуализация религиозной жизни в известной мере определила образ человека немецкой культуры Нового времени благодаря массовости явления. В роли революционера выступил печатный станок. XVII – первую половину XVIII века духовно-назидательные сочинения составляли примерно четверть всей книжной продукции. К примеру, издательство братьев Штерн в Лüneбурге, продукция которого сохранилась в библиотеке Жуковского, как и многие другие, сделало лютеранскую литературу своим профильным направлением. Как замечает П.А. Серкова, «издаваемые повсеместно большими тиражами трактаты, утешительные книги, сборники проповедей и песнопений, молитвенники выполняли терапевтическую функцию. XVII в. – век, когда эсхатологические настроения достигли своего апогея, был классическим веком такой литературы. Спрос на нее был так огромен, что можно говорить о массовом производстве. В ту эпоху духовно-назидательная литература составляла половину всех книг религиозного содержания и четверть всей книжной продукции» [Серкова, 2011, с. 4].

Век XVIII ознаменовался следующим этапом в развитии жанра немецкой духовной литературы – пиетизмом, переориентировавшимся в связи с более оптимистическим тоном эпохи с аскетизма на сакрализацию человеческого быта, повседневных занятий, каждодневных забот, праздников и будней. В связи с этим популярность получили своего рода календари христианина, ежедневные руководства. Так как окружающий мир стал признаваться полномочным источником религиозного опыта, появились новые жанры проповедей-медитаций, в которых эмпирические темы освещались внутренней религиозностью автора.

Наконец, современный Жуковскому романтический XIX в. в начале своем, естественно, сохранил актуальность интериоризации веры, и апология души сочинений благочестивых авторов получила новое звучание и мистическое осмысление в первой половине столетия. С приходом катастрофических революционных событий потребность в утешении и духовном прибежище с новой силой обратила семейное благочестие, воспринятое по наследству вместе с книгами, к апокалиптическим мотивам кризисного XVII в. Были переизданы и переработаны большинство репрезентативных авторов XIV–XVIII вв.

Краткий культурно-исторический абрис демонстрирует беспрецедентность и самостоятельность описанного рода немецкой словесности, освоению которого Жуковский посвятил более десятка лет своей жизни. Масштаб и важность этого увлечения трудно переоценить. Настоящей лабораторией по освоению нового магистрального дискурса и выработке соответствующего слога стало чтение книг. Главным образом, личная библиотека поэта включает в себе интереснейшие следы активных занятий авторами Нового благочестия. Твердую базу для исследования религиозного чтения Жуковского составляют специальные труды Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой [Канунова, Айзикова, 2001; Айзикова, 2005а; Айзикова, 2005б; Айзикова, 2008], священника Д. Долгушина [Долгушин, 2009], но повлиявшие на творческую мысль Жуковского работы немецких мыслителей, объяс-

няющих прикладные аспекты христианского учения, остались мало освещенными в жуковсковедении и заслуживают специального внимания.

В личной библиотеке поэта сохранились труды большинства репрезентативных авторов эпохи Нового благочестия и пиетизма. Эти труды, определенно, составляют отдельную и центральную нишу в круге религиозного чтения поэта 1840-х гг., подробно охарактеризованном И.А. Айзиковой [Айзикова, 2005a] и с религиозноведческой позиции священником Д. Долгушиным [Долгушин, 2013]. Некоторые проповедники вызывают у романтика особый интерес: в собрании составляют целые серии сочинений Г. Мюллера, И. Арндта, Т. Клифота, И. Фейта. Большинство изданий содержат маргиналии Жуковского-читателя.

Выявленный П.А. Серковой на основании количественных показателей производства (количество экземпляров, частота переизданий), по степени интенсивности рецепции (упоминание о чтении той или иной книги, упоминание в описях домашних библиотек) список наиболее популярных авторов и книг этого рода словесности [Серкова, 2011, с. 5] в полной мере представлен в книжном собрании Жуковского. При этом самостоятельность интереса романтика подтверждает тот факт, что собрания лучших сочинений были приобретены в 1840-х гг. специально для личной библиотеки, хотя познакомиться с книгами поэт мог, легко одолжив их в семейной библиотеке Рейтернов-Швертцелей. Итак, мы находим следующие репрезентативные издания:

Оригинальный паспорт книги	Перевод
Johannes Arndt (1555–1621)	Иоганн Арндт (1555–1621)
1. Sechs Bucher vom wahren Christenthum nebst dessen Paradiesgärtlein und dem Bericht von dem Leben und Absterben des Verfassers. Neu herausgegeben von Joh. Fr. von Meyer. Frankfurt a/M., 1840.	1. Шесть книг об истинном христианстве с его райскими садами и сообщением о жизни и смерти автора. Новое издание И.Ф. фон Мейера. Франкфурт-на-Майне, 1840.
2. Nachfolge Christi. Basel, 1842.	2. Наследство Христа. Базель, 1842.
3. Ein Zeitbild aus Braunschweig's Kirchen- und Stadtgeschichte in den ersten Jahren des XVII Jahrhunderts. Von Dr. August Wiidenhahn. Theile 1–2. Leipzig, 1847.	3. Иоганн Арндт. Картина истории церкви и государства первых лет XVII столетия. Д-ра Августа Вильденгана. Ч. 1–2. Лейпциг, 1847.
Paulus Gerhardt (1607–1676)	Паулус Герхардт (1607–1676)
1. Geistliche Lieder. Getreu nach der bei seinen Lebzeiten erschienen Ausgabe wiederabgedruckt. Stuttgart, [1843].	1. Духовные песнопения. Воспроизведено по оригинальному прижизненному изданию. Штуттгарт, [1843].
Christian Scriver (1629–1693)	Кристиан Скривер (1629–1693)
1. Erbauliche Parabeln. Eine Auswahl aus «Gotthold's zufälligen Andachten». Sprachlich verjüngt. Stier, 1840.	1. Назидательные притчи. Подборка из «Готтхольдовых размышлений по случаю». В новой обработке. Штир, 1840.
2. Gesammelte Werke. Unverfälscht verjüngt und zur Erbauung christlicher Leser neu herausgegeben unter Mitwirkung der evang. Pfarrer J.G. Heinrich und Rud. Stier. Bde 1–3. 1847–1848.	2. Собрание сочинений. В обработке без искажения для назидания христианских читателей, издано при содействии еванг. пастора И.Г. Генриха и Руда. Штир. Т. 1–3. 1847–1848.
Heinrich Muller (1631–1675)	Генрих Мюллер (1631–1675)
1. Apostolische Schlusskette und Kraftkern, oder gründliche Auslegung der gewöhnlichen Sonn- und Festtagsepisteln. Halle, 1844.	1. Ключи апостолов и живая сила, или подробное изложение обычных воскресных праздничных посланий. Галле, 1844.
2. Kreuz-, Buss- und Bet-Schule aus	2. Школа креста, покаяния и молитвы по псалму 143. Гамбург, 1844.

dem Psalm 143. Hamburg, 1844.

3. Evangelischer Herzenspiegel. Hamburg, 1847.

4. Himmlischer Liebeskuss oder Übung der wahren Christentums, fließend aus der Erfahrung göttlicher Liebe. Hamburg, 1848.

3. Евангельское зеркало души. Гамбург, 1847.

4. Небесный поцелуй любви или упражнение в истинном христианстве, происходящее из опыта любви Божией. Гамбург, 1848.

Как видим, Жуковский основательно изучил собрания избранных трудов авторов благочестивой литературы XVII в. Живой отклик читателя получили труды Г. Мюллера, в особенности его работы, указанные в таблице под №№ 2 и 4. При этом последняя позволяет констатировать устойчивость высокого интереса к жанру, сохранившегося до конца 1840-х гг.

Доктор богословия **Генрих Мюллер** был разносторонне образован, изучал восточные языки философию и прославился своими страстными проповедями. Его научные труды на латыни написаны в русле лютеранской ортодоксальности и оставляют сильное впечатление благодаря простому и образному языку. Сборники проповедей и молитвенники, изданные на немецком языке, являются результатом непосредственного общения с прихожанами. Мюллер стремился «почувствовать» верующего человека, поэтому в своих работах он от характерного для современников аскетизма пришел к пиетизму, и наставлял к попыткам гармоничного осознания самого себя, приданию особой значимости личному благочестию и религиозным переживаниям.

Одна из причин пристального внимания к наследию Г. Мюллера находилась, очевидно, в ближайшем окружении Жуковского. Так, по указанию Г. Рейтерна, из всех авторов XVII в. в семейном собрании книг особое место занимали труды именно этого проповедника. Собрание его лучших сочинений, вышедшее в 1820-х гг., сохранилось в библиотеке Швертцелей и содержит множественные маргиналии [Reutern, 1894, S. 100] владельцев.

Псалом 143, или псалом Давида, на который Мюллер ссылается в заглавии первой из привлечших Жуковского книг, представляет собой благодарственную песнь Давида за победу над врагами и в то же время молитву о благоденствии своего народа. Пророк прославляет Господа, силу искренней веры, покаяния и молитвы, открывающих путь к истинному блаженству. Эти концепты являются константными для всего корпуса литературы Нового благочестия и становятся ключевыми и в проповеди Мюллера. По наблюдению П.А. Серковой, почти в каждом из сочинений встречаются ключевые слова «душа», «молитва», «размышление» (медитация), «упражнение в истинном христианстве», «обновление», «пробуждение», «утешение», «укрепление», «улучшение», «ободрение» и т. п. «Все эти смыслы включает в себя в XVII в. понятие «назидание» (Erbauung). Такие коннотации вполне согласуются с целью Нового благочестия – индивидуализацией и интериоризацией веры и христианским образом жизни» [Серкова, 2011, с. 9].

Лейтмотивы, заявленные в заглавии книги «Школа креста, покаяния молитвы», выделены читателем. Мысли о вере, божественной милости и всемогуществе пронизывают дискурс Жуковского-читателя. Молитва как необходимый разговор с Богом также становится предметом размышления романтика. В сочинении Мюллера он подчеркивает самые красноречивые суждения о молитве: «...Пронзительный крик мольбы. Разве может Господь оставаться равнодушным к подобному крику? Нет» [Mueller, 1844, S. 21]; «...Сила духа – в молитве» [Mueller, 1844, S. 144] и мн. др.

Вторая из имеющихся в личной библиотеке поэта книг Г. Мюллера «Небесный поцелуй любви или упражнение в истинном христианстве» представляет собой учебное пособие, близкое к пиетистским и созданное проповедником в помощь каждому прихожанину. Следуя своему замыслу, Мюллер на сей раз обращается к практическим вопросам религиозного учения – церковным обрядам и

догмам христианства; повествование автора имеет ярко выраженный учительный тон наставления. В объемном издании, насчитывающем более шестисот пятидесяти страниц, Жуковским отмечено сто двадцать фрагментов. Наибольший интерес поэта вызвала десятая глава первой части, посвященная обряду причастия «О любви Божией, вкушаемой и испиваемой при святом причастии». Причастие, или таинство евхаристии (*das Abendhmal*), неизменно занимало поэта на протяжении 1840-х гг., и многие отмеченные рассуждения Мюллера повторяют его дневниковые записи. Как замечает И.А. Айзикова, «идеи великих таинств Исповеди и Святого Причастия, пронизывает все поздние записные книжки и дневники Жуковского» [Айзикова, 2012, с. 28]. В 1840-е гг., когда Жуковскому открывается «метафизическая поврежденность души грехом» [Долгушин, 2008, с. 414] и он убежденно утверждает, что «без понятия о падении человека нет христианства» [Жуковский, 2004, с. 299], причастие, занимающее центральное место в литургии, становится одной из важнейших тем и получает библейское истолкование. Неразрывная триада «грех-покаяние-причастие» последовательно выделена поэтом из книги Мюллера.

Еще один известный автор **Георг Нитш (1663–1729)** также удостоился пристального внимания русского романтика. Впервые его теологические послания были напечатаны в трех томах в 1698 г. и имели большой успех. Книга, сохранившаяся в библиотеке Жуковского «Упражнение в святости. Теологические послания Георга Нитша» [Nitsch, 1841], была преподнесена в подарок супруге Жуковского одной из ее сестер и попала в руки русского поэта не ранее 1845 г., о чем свидетельствует соответствующая дарственная надпись: «*Meiner lieben Schwester Elisabeth Soukovsky. 1845*»¹.

Характер маргиналий в книге не оставляет сомнений в том, что сделаны они Жуковским. Издание включает в себя 62 главы, каждая из которой является проповедью на определенную тему, и содержит 57 карандашных помет и отчеркиваний. Основным мотивом всего цикла проповедей является вера. Так, например, в главе «Суэта мирских вещей» Жуковский подчеркивает: «Вера в Христа и более ничто делает человека праведным. Как магнит притягивает железо, так и прах Божий притягивает к себе праведность» [Nitsch, 1841]. Вслед за автором немецкого текста поэт выделяет различные пути обретения истинной христианской веры: стремление к добродетели. Поэт особо подчеркивает всегда интересовавший его гносеологический аспект в обретении сердечной веры, подчеркивая: «Те, кто хочет посещать школу Христову, должны брать с собой веру, умозаключения же следует оставить дома»; «святое неведение лучше, чем несвоевременный ум» [Nitsch, 1841, S. 12]. Второй лейтмотив, отмеченный Жуковским, касается таких явлений-понятий, как грех и праведность. Словом, в объемистом сочинении богослова XVII в. русского романтика привлекла трактовка вполне традиционных для исследуемой литературы религиозных концептов – веры и благочестия, греха и прощения.

В эпоху, предвещающую немецкий романтизм, изменился характер духовных текстов, появились новые авторы. Одним из таких молодых оригинальных сочинителей, жизненный путь и нетрадиционные взгляды которого как будто предвещали немецкий романтизм, стал **Фридрих Кристоф Эттингер (1702–1782)** – ведущий представитель вюртембергского пиетизма, к которому принадлежали многие из предков семьи Рейтернов-Швертцелей. Многочисленные труды богослова (всего более сотни), где ярко выразилось стремление к глобальному универсализму, преодолению границ между медициной, естествознанием и теологией и другими науками, вдохновляли, по собственным признаниям, таких поэтов как Гердер, Гете, Шиллер, Гегель, Шеллинг, Кернер, Гельдерлин, Мёрике и Гессе.

¹ Перевод: Моей любимой сестре Элизабет Жуковской. 1845.

В студенческие годы Этингер испытал мощное влияние мистицизма Якоба Бёме, изучением которого серьезно занимался, во время путешествия по Германии после окончания учебы в Тюбингене увлекся каббалой. Позже, будучи советником герцога, прелатом монастыря и главой церкви в Мурргарде, он написал книгу в поддержку учения о царстве духов Сведенборга, где утверждал необходимость их более реалистичного восприятия. Предельное заострение такого библейского реализма Этингера нашло свое полное выражение в его словаре библейских понятий и эмблем [Oetinger, 1776], одно из поздних изданий которого 1849 г. имеется в личной библиотеке В.А. Жуковского с пометами.

Самое известное издание неординарного проповедника «Biblisches Wörterbuch» представляет собой толковый словарь, в котором предельно реалистично определены самые абстрактные, по сути метафизические, библейские символы и понятия. Жуковский последовательно выделяет одну, особенно заинтересовавшую его линию – лаконичные определения таких образов-сущностей как ангел и демон. В оглавлении книги из 540 страниц он отмечает неразрывно связанные между собой и следующие друг за другом разделы (528 – 530) об ангелах, демонах и древе жизни. В самом тексте словаря Жуковский отмечает около десяти фрагментов. С карандашом в руке поэт изучает только разделы о сущности светлых и падших ангелов (демонов), подчеркивая самые конкретные определения Этингера, как то: «Демоны знают больше нас о невидимом. У древних это слово обозначает как доброго, так и злого духа, в священном писании, однако, только нечистого духа. Демоны любят сочное мясо и кровь. Они любят таких людей, чей разум отшлифован и выметен» [Oetinger, 1776, S. 97]; «Ангелом зовется, собственно, посланник Бога» [Oetinger, 1776, S. 127]; «Довольно знать то, что ангелы, согласно Свящ. Писанию, это невидимые духи-помощники, посланные ради службы тем, которые должны унаследовать великое благо» [Oetinger, 1776, S. 128]; «Ангелы, под которыми разумеются первый павший дракон, древний змей, сатана и черт, сначала имели свою собственную обитель; вероятно, это была Венера» [Oetinger, 1776, S. 130].

Из более распространенных и сложных суждений немецкого проповедника внимание Жуковского привлекли два фрагмента, посвященные ангелам-отступникам. Так, следуя за автором, поэт подчеркнул мысль о причинах падения: «Предполагается, что их падение происходило постепенно, и началось из-за того, что первый ангел был очарован своим совершенством и отважился, не ожидая приказа Божьего, свершить то, на что не имел права, а именно вышел из своей сферы, покинул свою обитель; эти мечтания обернулись для него наказанием. <...> Это могут быть также нечистые демоны; возможно, они и не хотели соглашаться на падение ангела, но оставались безучастными, однако это было то же падение, но более низкого ранга» [Oetinger, 1776, S. 131].

Выборочный характер чтения соответствует уже осуществленным и только намеченным планам Жуковского середины 1840-х гг., когда созревает замысел поэмы об отступнике Агасфере, закончены переводы Нового Завета, в том числе Апокалипсиса, где центральными образами являются ангелы и их двойники демоны. При этом большинство страниц «Библейского словаря» остаются неразрезанными, что еще раз свидетельствует о целенаправленном выборочном интересе Жуковского. Его привлекает вечная, главная философская тема соотношения, взаимодействия и воплощения метафизического и реального, добра и зла. Романтику, очевидно, импонировал оптимистический религиозный универсализм немецкого богослова, предельно просто и реалистично охарактеризовавшего и примирившего в своем словаре ангелов и демонов.

Материал немецкой духовно-религиозной литературы, по-настоящему воспринятой Жуковским в 1840-х гг., открывает очередную сторону освоения поэтом немецкой культуры и тот источник вдохновения, названный им «огнивом», который всегда был необходим романтику и чаще всего находился им в пространстве

германского духа. Думается, не будет неверным допущение того, что христианскую философию Жуковского во всех ее известных и еще не опубликованных проявлениях можно считать результатом влияния немецкой духовно-назидательной словесности и германских религиозных практик Нового времени, метапереводом сверткста духовно-назидательной литературы Германии.

Литература

Айзикова И.А. В.А. Жуковский и Ф. Фенелон // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 3. Томск, 1988. С. 220–249.

Айзикова И.А. Круг религиозно-философского чтения В.А. Жуковского в 1840-е годы // Жуковский и русская культура его времени. СПб., 2005. С. 89–101.

Айзикова И.А. «Святая проза» В.А. Жуковского: проблемы эстетики и поэтики // Духовные начала русского искусства и образования. В. Новгород, 2005а. С. 166–180.

Айзикова И.А. Идея «внутренней христианской жизни» в поздней прозе В.А. Жуковского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск. 2005б. Вып. 4.

Айзикова И.А. Евангельские идеи, мотивы, образы в «святой прозе» В.А. Жуковского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 2008. С. 168–197.

Айзикова И.А. Тема Святого Причастия в дневниках и записных книжках В.А. Жуковского 1840-х гг. // Русская литература в литургическом контексте. Кемерово, 2012. С. 26–35.

Долгушин Д., свящ. Новый Завет в переводе В.А. Жуковского: история создания и публикации // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского. СПб., 2008.

Долгушин Д., свящ. В.А. Жуковский и И.В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма. М., 2009.

Долгушин Д., свящ. Религиозная литература в круге чтения В.А. Жуковского 1840-х годов // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2013. Вып. 3 (в печати).

Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. М., 2004. Т. 14.

Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.). Новосибирск, 2001.

Серкова П.А. Духовно-назидательная литература немецкого протестантизма XVII века: между теологией и благочестием // Вестн. РГГУ. 2009. № 15. С. 142–153.

Серкова П.А. Книжная культура немецкого протестантизма XVII – начала XVIII вв.: способы самоидентификации человека на пороге Нового времени: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2011.

Mueller H. Kreuz-, Buss- und Bet-Schule aus dem Psalm 143. Hamburg, 1844.

Nitsch G. Übung in der Heiligung. Theologische Sendschreiben von Georg Nitsch. Auf's Neue gesendet durch Dr. W.E. Besser. Halle, R. Mühlmann, 1841.

Oetinger F. Des Württembergischen Prälaten Friedrich Christoph Oetinger biblisches Wörterbuch. Heilbronn-auf-Neckar, 1776.

Reutern G. Ein Lebensbild, dargestellt von seinen Kindern und als Manuskript gedruckt zur hundertjährigen Gedächtnissfeier seines Geburtstages. SPbg., 1894.